

Ильина Ю. Н. Лексическая объективация представлений о болезни и здоровье в говорах Низовой Печоры / Ю. Н. Ильина // Научный диалог. — 2015. — № 6 (42). — С. 38—52.

УДК 811.161.1'282.2(282.247.11)

Лексическая объективация представлений о болезни и здоровье в говорах Низовой Печоры*

© Ильина Юлия Николаевна (2015), кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и общей филологии, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия), juli_il@rambler.ru.

Дается характеристика одной из групп лексики народной медицины по данным говоров Низовой Печоры. Слова со значением 'болеть', 'больной' и 'стать здоровым', отмеченные в печорских говорах, предлагается разделить на две группы. Одну из них составляют антонимичные одно- и разнокорневые образования, обнаруживающие себя в обоих семантических полях. Другая группа включает в себя одиночные, не коррелирующие друг с другом по мотивационным моделям лексемы каждого поля. Предпринимается попытка сравнить мотивационные модели, выявленные для лексем семантических зон «Болезнь» и «Здоровье», с моделями, типичными для диалектных и фольклорных номинаций смерти и жизни. Выявлено, что основными составляющими текстов здоровья и болезни (во многих случаях типологически совпадающими с текстами жизни и смерти) в печорских говорах являются следующие мотивы: наличие / отсутствие силы или беспокоящего состояния; соответствие / несоответствие человека своей функциональной природе; завершающееся / продолжающееся движение по заданному пути, сход с дороги / возвращение на нее, потеря / обретение себя. Особое внимание уделено лексемам *скучать* 'болеть, страдать от боли, тяготиться ей' и 'переживать отсутствие болезни', *погожий* 'здоровый, крепкий'.

* Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого РГНФ: № 14-14-11003 а(р).

Ключевые слова: лексика народной медицины; болезнь vs. здоровье; жизнь vs. смерть; мотивационная модель; семантика; русские народные говоры; пространственный код культуры.

1. Введение

Лексические диалектные системы не перестают представлять интерес для лингвистов, в том числе в силу разнородности своего состава. В них можно обнаружить несколько типов лексических оппозиций: слова, общие для ряда говоров или отмеченные только на одной территории; ранние (архаичные) или поздние (вновь образованные) лексические единицы; лексемы, исконно русские или заимствованные из языков народов, проживающих на соседних территориях. Поэтому представление и анализ лексического состава того или иного говора может оказаться продуктивным как для его собственной характеристики, так и для определения его соотношения с другими говорами.

К числу говоров, еще не получивших комплексного монографического описания (за исключением двух серьезных попыток его лексикографического представления — см. «Словарь русских говоров Низовой Печоры» [СРГНП], «Фразеологический словарь русских говоров Низовой Печоры» [ФСРГНП]), относятся говоры низовой Печоры — речь носителей русского языка, проживающих по рекам Печоре, Цильме, Пижме и Нерице (на территории Усть-Цилемского района Республики Коми и Ненецкого автономного округа). Для характеристики выбрана лексика народной медицины, уже — лексемы с общим значением ‘болеть’, ‘больной’ и ‘стать здоровым’.

2. Организация лексем семантических полей «Болезнь» и «Здоровье»: сопоставительный аспект

Оценивая состав и организацию семантической зоны «Болезнь» в печорских говорах в целом, отметим ее значительную количественную и качественную (содержательную) разработанность относительно коррелирующего с ним поля «Здоровье». Такие результаты

сопоставления отражают, вероятно, проявление большего интереса номинирующего мир человека к состоянию не-нормы, которое не позволяет человеку вести привычный, должный образ жизни. Большая разработанность семантической зоны «Болезнь» проявляется как в ее статистических характеристиках (слов, называющих болезни, больного, процесс протекания болезни, примерно в три раза больше, чем слов поля «Здоровье»), так и в более сложном, дробном ее устройстве.

Вместе с тем в организации лексем семантических полей «Болезнь» и «Здоровье» относительно друг друга можно отметить общую особенность. Слова обоих полей по общности мотивационных моделей можно разделить на две группы: производные, которые представляют ряд однокоренных образований в обоих полях и коррелируют друг с другом, и одиночные лексемы, самостоятельно, «повоюму» выражающие идею болезни или здоровья в каждом из них.

Первую группу образуют значительные по количеству составляющих единиц в печорских говорах ряды слов с корнями *-бол-* и *-мог(ж, ч)-*. Причем среди производных с корнем *-бол-* однокоренные антонимы представлены глагольным рядом: *вы́болеть* ‘перестать болеть’ [СРГНП, т. 1, с. 97] vs. *больну́ть* ‘заболеть’ [СРГНП, т. 1, с. 37], *заба́ливать* ‘начинать болеть, заболевать’ [СРГНП, т. 1, с. 215], *заболе́ться* ‘стать больным’ [СРГНП, т. 1, с. 217], *поба́ливать* ‘часто болеть’ [СРГНП, т. 2, с. 50], а номинация человека — *больня́щий* ‘серьезно, тяжело больной’ — единична [СРГНП, т. 1, с. 37]. Производные со вторым корнем — *-мог(ж, ч)-* — образуют антонимичные адекативные или субстантивные пары: *могу́тной(ый)* ‘физически сильный, крепкий’ [СРГНП, т. 1, с. 422] vs. *немо́жной(ый)* ‘очень больной’ [СРГНП, т. 1, с. 475], *немога́ч* ‘больной человек’ [СРГНП, т. 1, с. 475]. Их поддерживают глаголы того же корня только с одним значением — ‘болеть’: *занемо́чь* ‘оказаться не в состоянии делать что-нибудь, стать больным, заболеть’ [СРГНП, т. 1, с. 252], *немога́ть* ‘болеть, недомогать’ [СРГНП, т. 1, с. 475], *немога́ться* ‘плохо себя чувствовать, недомогать’ [СРГНП, т. 1, с. 475], *понема́гивать* ‘часто

болеть' [СРГНП, т. 2, с. 102], *пронемогать* 'быть больным, болеть' [СРГНП, т. 2, с. 178].

В приведенных рядах лексем значение противоположного обозначенному корнем состояния человека оформляется приставками: приставкой *не-* с общим значением отрицания (*немогач*) или *вы-* со значением исчерпанности действия через удаление, изгнание чего-л. (*выболеть*). Другим отмеченным в печорских говорах парадигматическим способом обозначения состояния болезни и здоровья является использование производных с разными корнями — *-мер-* и *-жи-* соответственно, базовыми для общеязыковых антонимов из смежных смысловых зон: *жить мертвым* 'быть больным, искалеченным' [ФСРГНП, т. 1, с. 243] vs. *подживать* 'выздоровливать' [КЭЛСРГРК], *живица* 'лекарственное растение' [СРГНП, т. 1, с. 207].

Вместе с тем номинации хорошего и плохого самочувствия и физического состояния человека в печорских говорах могут и не вступать в парадигматические отношения: в семантических полях «Болезнь» и «Здоровье» зафиксированы лексемы, которые выражают соответствующие значения самостоятельно, без системной опоры на слово с противоположным значением. В лексико-семантической группе «Болеть» таким словом является, например, глагол *скучать*, в группе «Здоровый» — *погожий*.

Данные лексемы получают в диалектных словарях разные характеристики своей территориальной закреплённости: слово *скучать* в значении 'прихварывать, хворать, болеть' зафиксировано в разных говорах [СРНГ, т. 38, с. 200], *погожий* в значении 'здоровый, крепкий' — только в печорских: *Тут война подошла, ни одного мужика погожего не осталось* [СРГНП, т. 2, с. 62]. Предпримем попытку представить историю развития смысловой структуры данных лексем.

3. Лексемы *скучать* и *погожий* в контексте народных представлений о болезни и здоровье

Лексема *скука* и однокоренные образования фиксируются в словарях только с начала XVIII века [Черных, т. 2, с. 172]. Общепри-

знанной этимологической интерпретации корень *-кук-* не получил [Фасмер, т. 3, с. 661; Черных, т. 2, с. 172]. Вместе с тем, согласно данным славянских языков, производные с корнем *-кук-* развивают два значения: ‘теснить, поставить в затруднительное положение’ и ‘издавать высокие и резкие жалобные, тревожные звуки (о живом существе)’ [Фасмер, т. 2, с. 403—404; т. 3, с. 661]. На этом основании П. Я. Черных делает предположение о возможном старшем значении слова *скука* — ‘беспокойство, томление, состояние, когда хочется выть’ [Черных, т. 2, с. 17].

Глагол *скучать* в современном языке выражает значение тягостного состояния человека, которое при этом в литературном и нелитературных вариантах языка стало различаться по предмету, его вызывающему: душевные переживания — в первом случае (*Когда Пустовалов уезжал в Могилевскую губернию за лесом, она сильно скучала и по ночам не спала, плакала* [ССРЛЯ, т. 13, с. 1101]) и физическая боль — во втором (*Левой ногой скуцяю, ши кака лева нога, а права добра, едрёна* [СРГНП, т. 2, с. 282]).

Отличия в употреблении глагола *скучать* в литературном языке и диалектах обнаруживаются также на уровне грамматическом — в области его предложно-падежного управления. В обеих формах существования русского языка регулярно обозначаемым в высказываниях является объект, который вызвал к жизни беспокоящее человека ощущение. Только в литературном языке для указания на него используются предлоги *от* (*скучать от безделья*) или *за* (*скучать за уроками*), а в диалектной речи — беспредложная конструкция с существительным в форме творительного падежа: *скучать ногами, головой, животом, здоровьем* [СРНГ, т. 38, с. 200; СРГНП, т. 2, с. 282]. В последнем случае можно предположить сохранение типа глагольного управления, характерного для уже устаревшего лексико-семантического варианта глагола *скучать* — ‘тяготиться кем-, чем-л.’ (ср. *Но скоро запорожцы начали понемногу скучать бездействием* [ССРЛЯ, т. 13, с. 1102]). В говорах разных территорий имя, обозначающее источник

болезненного беспокойства, кроме того, может выступать в роли не объекта, а субъекта: *Вишь, как руку-то разнесло: больно скучает* или *Подрежь мне ногти, ногти скучают* [СРНГ, т. 38, с. 200].

В речи носителей печорских говоров реализуется также другая модель глагольного управления, типичная для литературного языка, — с предлогом *по*: *скучать по ком- или чем-л.* В этом случае именная лексема называет объект, отсутствие которого болезненно переживается человеком: *Первое время она не скучала по общественной работе* [ССРЛЯ, т. 13, с. 1102]. В народной речи таким объектом оказывается сама болезнь, воспоминания о которой могут вернуть ее, привести к рецидиву: *Давно лёжкой не лежала, скучать стала по болезни, вот и слегла* или *Женщина скучает по болезни, грыжа снова стала выходить* [ФСРГНП, т. 2, с. 290]).

Таким образом, глагол *скучать* в разных конструкциях в печорских говорах фиксируется в двух исключаяющих друг друга с точки зрения желательности события значениях: ‘болеть, страдать от боли, тяготиться ей’ и ‘переживать отсутствие болезни’.

Другой лексемой, которая не имеет в печорских говорах в смежном смысловом поле однокоренной или одноструктурной антонимической пары, является прилагательное *погожий* в значении ‘здоровый, крепкий’: *Тут война подошла, ни одного мужика погожего не осталось* [СРГНП, т. 2, с. 62].

Слово *погожий* и однокоренные с ним фиксируются на протяжении истории языка с амбивалентной семантикой, которая проявляется прежде всего в словах «метеорологических». Уже И. И. Срезневский в своем словаре приводит лексему *погодие* с противоположными значениями: ‘благоприятная погода’ и ‘непогода’, ‘благоприятное направление (ветра)’ и ‘буря’ [Срезневский, т. 2, с. 1015—1016]. Говоры сохраняют такую внутрисловную противопоставленность значений: *погожий* — это, с одной стороны, ‘собранный в ясную, тихую, солнечную погоду’, с другой — ‘ненастный’ [СРНГ, т. 27, с. 301—302].

Такая особенность семантической структуры производных с корнем *-год-* обусловлена, вероятно, его этимологией — «пора, соответствующая, подходящая для того, чтобы что-то случилось, произошло» [Черных, т. 2, с. 198] (ср. значение глагола *погодиться* в древнерусском языке — ‘случиться’). Само событие, для которого пришло время, «год», может получать разные, в том числе прямо противоположные оценки.

Вместе с тем нельзя не отметить, что признак, оцениваемый положительно, все-таки получает в значениях слова *погожий* более подробную разработанность: в народной речи *погожим* называют внешне красивого или умного, хорошего, доброго человека [СРНГ, т. 27, с. 301—302]. Значение прилагательного *погожий* в печорских говорах оказывается включенным в тот же ряд одобряемых качеств человека: здоровый, крепкий. *Погожий*, согласно внутренней форме, — значит соответствующий представлениям о здоровом человеке, такой, каким он должен быть по своей природе, приемлемый, подходящий.

4. Лексемы со значением ‘болеть’ и ‘стать здоровым’, реализующие пространственный код культуры

Идея соответствия здорового человека своей природе, своему предназначению и наоборот — несоответствие ей человека больного получает в лексике народной медицины свое воплощение в лексемах, которые реализуют пространственный код культуры.

В первую очередь речь идет о разработке в лексико-семантической группе «болеть» оппозиции «лежать — стоять». Значение ‘болеть’ имеет в печорских говорах ряд устойчивых выражений со стержневым компонентом *лежать*: *в болях лежать* [ФСРГНП, т. 1, с. 63], *колодиной лежать (пролежать)* [ФСРГНП, т. 1, с. 326] и с редупликацией корня — *в лежку (лежачку) лежать, лежкой (лежком, лежмя, лежма) лежать* [ФСРГНП, т. 1, с. 83].

Поляризация смыслов двух состояний: ‘лежать’ и ‘стоять’, — по мысли В. Н. Топорова, была свойственна коллективному сознанию

мифопоэтической эпохи (и не только ее), при этом они резко противопоставляются в оценочном плане по шкале «хорошо — плохо». По словам исследователя, эти лексико-семантические различия первоначально «имели статус категориальных различий и (помимо всего прочего) определялись связью с категориями “антропности” и “вещности”», то есть оппозиция «стоять — лежать» соответствовала оппозиции «антропность — вещьность» [Топоров, 1996, с. 44—45].

Е. В. Рахилина дополняет размышления В. Н. Топорова о противопоставлении *стоять* и *лежать* наблюдениями над семантической структурой данных локативных глаголов. По ее мнению, в семантике глаголов *стоять* и *лежать* есть определенные иллокативные компоненты, которые дополнительно характеризуют положение в пространстве, в том числе и человека. Исследователь пишет: «Для *стоять* важна такая ориентация объекта в пространстве, которая соответствует его функции, а для *лежать* — не просто и не обязательно горизонтальное расположение объекта в пространстве, а такое положение, которое не соответствовало бы его функции» [Рахилина, 2000, с. 289].

Производных с корнем *-сто(j)-* или *-ста(в)-* в смысловой зоне «Здоровье», которые были бы противопоставлены выражениям с глаголом *лежать*, обозначающим болезненное состояние, в печорских говорах словарями не зафиксировано. Вместе с тем одним из самых «востребованных» корней является в ней корень *-прав-*, который смещает акцент с представления состояния здоровья человека на его оценку. После болезни человек возвращается в *правильное*, функциональное состояние, нарушенное болезнью *исправлено*: *выправить-ся*, *в поправку пойти* ‘выздороветь’ [СРГНП, т. 1, с. 116; ФСРГНП, т. 1, с. 98], *подправить* ‘вылечить’ [СРГНП, т. 2, с. 75], *справа* ‘выздоровление’ [СРГНП, т. 2, с. 303]).

Второй пространственной семантической моделью, которая получает отражение в лексике народной медицины печорских говоров, является модель перемещения, пути, общая для представления жиз-

ни человека в целом. Жизнь человека традиционно представляется как дорога (ср. *приходить в семью* ‘рождаться’ [СРГНП, т. 2, с. 169], *приходить* ‘выходить замуж за кого-н.’ [СРГНП, т. 2, с. 168], *далеко уйти* ‘прожить долгую жизнь’ [ФСРГНП, т. 1, с. 194]), которая имеет конечную точку, предел: *дойти до конца* ‘умереть, скончаться’ [Кобелева, с. 74] — или может сопрягаться с непреодолимыми препятствиями, прерывающими движение-жизнь: *дойти до пропасти* ‘смертельно заболеть, оказаться при смерти’ [Кобелева, с. 74].

Идея перемещения «прочитывается», например, в лексемах *истоптаться* ‘истощить свои силы, ослабеть’ [СРГНП, т. 1, с. 296] и *доходящий* ‘очень слабый, больной’ [СРГНП, т. 1, с. 190]. В обоих словах корневая морфема обозначает движение, а приставка указывает на его завершение: *ис-* — на его исчерпанность, *до-* — на достижение предела.

В контексте осмысления болезни в пространственном ключе, кроме того, обращает на себя внимание в печорских говорах пара выражающих противоположные значения словосочетаний: *попутаться (здоровьем, умом)* ‘потерять здоровье (рассудок), стать больным (сойти с ума)’ (*А ты вот, Катя, тожо здоровьем попуталась* [СРНГ, т. 2, с. 110]) и *обрести себя* ‘выздороветь’ (*Сегодня уж получше, дак я за выходные обрету себя* или *Так я кашляла, дак лекарство-то помогло, обрела себя, нынче не кашляла* [ФСРГНП, т. 2, с. 133]). Объединяющей в данной паре становится также реализация еще одной универсальной оппозиции традиционной культуры — «свое — чужое».

Глагол *попутаться*, связанный корневой морфемой со словом *путь*, обозначает сбой в перемещении по дороге, которая изначально воспринимается человеком как пространство организованное, лишённое беспорядка. Болезнь, таким образом, подобна потере определенного, верного направления движения, она провоцирует человека на ошибку в его заданном пути. Выздоровливающий, напротив, возвращается к себе, обнаруживает собственную пропажу в «своем» мире, тем самым восстанавливает нарушенный болезнью порядок движения жизни, ход бытия.

5. Мотивационные модели лексем печорских говоров, представляющие семантические оппозиции «болезнь — здоровье» и «смерть — жизнь»

Выявленные на материале печорских говоров модели номинации ухудшения или улучшения состояния здоровья, самого больного и здорового человека со всей очевидностью находят соответствия в мотивационной структуре лексики, воплощающей другую базовую семантическую оппозицию культуры — «смерть» и «жизнь». Основу регулярных моделей номинации смерти в печорских говорах составляют, например, представления смерти как перемещения за пределы своего социума, движения сверху вниз, смерти как горизонтального расположения в пространстве, «обезножения», смерти как пропажи, смерти как контакта между своим и чужим миром.

При этом последовательность лексического воплощения той или иной составляющей пары «болезнь — здоровье» и «смерть — жизнь» в разных моделях оказывается отличной, часто они взаимодополняют. Например, в общей для них модели номинации «потеря — находка» второй смысловой компонент напрямую проявлен в словосочетании *обрести себя* ‘выздороветь’ — из семантического поля «Здоровье». Первый же компонент подробную разработку получает прежде всего в смысловой зоне «смерть», не «болезнь». Так, в севернорусских диалектах зафиксированы такие лексические единицы: *потерять себя* — ‘умереть’ [СРГК, т. 5, с. 109] или *теряжа* — ‘утрата, гибель, смерть’ [СРГНП, т. 2, с. 346]. Кроме того, представление смерти как исчезновения, потери сохранили фольклорные тексты — похоронно-поминальные причитания, например, в способе обозначения действия умершего, который интерпретирует смертный исход: *Скоро время скоротается, / У нас гостюшко укатится, / Бажёный потеряется* [РПК, № V]) — или в характерном для них мотиве потери и поиска умершего (*Я из рук тебя, бедна, упустила, / Я из глаз тебя утеряла. / Где я стану тебя сыскивать, / Где буду тебя спроведывать?* [РНБЛ, Печора, № 38]).

6. Выводы

Итак, в организации комплекса лексем печорских говоров со значением 'болеть', 'больной' и 'стать здоровым' можно выявить несколько особенностей. Номинативно более разработанной является смысловая зона «Болезнь». В семантических группах «Здоровье» и «Болезнь», имеющих изначально заданную противоположную направленность, слова или реализуют эту оппозицию, представляя собой антонимичные пары типа *могутной* — *неможной*, или разрабатывают образ болезни или здоровья через непарную номинацию, самостоятельно. Основными составляющими текстов здоровья и болезни (во многих случаях типологически совпадающими с текстами жизни и смерти) в печорских говорах являются следующие мотивы: наличие / отсутствие (исчерпанность) силы и беспокоящего состояния, обозначаемого голосом; соответствие / несоответствие человека своей функциональной природе (в том числе в оппозиции «стоять — лежать»); завершающееся / продолжающееся движение по заданному пути, сход с дороги / возвращение на нее, потеря / обретение себя.

Источники и принятые сокращения

1. Кобелева — *Кобелева И. А.* Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми / И. А. Кобелева. — Сыктывкар : Издательство Сыктывкарского университета, 2004. — 312 с.
2. КЭЛСРГРК — *Картотека* этнолингвистического словаря русских говоров Республики Коми (хранится в Сыктывкарском государственном университете им. Питирима Сорокина, Сыктывкар).
3. РНБЛ — *Русская народно-бытовая лирика* : причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. — Москва — Ленинград : Изд-во АН СССР, 1962. — 590 с.
4. РПК — *Русские* плачи Карелии / подготовка текстов и примечания М. М. Михайлова. — Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1940. — 321 с.
5. СРГК — *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 выпусках / гл. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994—2005. — Вып. 1—6.

6. СРГНП — *Словарь русских говоров Низовой Печоры* : в 2 томах / под ред. Л. А. Ивашко. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2003—2005. — Т. 1—2.

7. Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 томах / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1893—1912. — Т. I—III.

8. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* : в 44 томах / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. — Москва; Ленинград; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2011. — Вып. 1—44.

9. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 томах. — Москва : Наука ; Ленинград : Издательство АН ССР, 1948—1965. — Т. 1—17.

10. Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — Санкт-Петербург : Азбука, 1996. — Т. 1—4.

11. ФСРГНП — *Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры* : в 2 томах / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., Коми гос. пед. ин-т ; сост. Н. А. Ставшина. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — Т. 1—2.

12. Черных — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : 13560 слов : в 2 томах / П. Я. Черных. — Москва : Русский язык, 1994. — Т. 1—2.

Литература

1. *Березович Е. Л.* К этнолингвистической интерпретации семантических полей / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. — 2004. — № 6. — С. 3—25.

2. *Ганцовская Н. С.* Народная медицинская лексика в акающих костромских говорах / Н. С. Ганцовская // Вопросы изучения среднерусских говоров : сборник научных трудов / [редкол. : Т. В. Кириллова (отв. ред.) и др.]. — Тверь : [б. и.], 1992. — С. 58—63.

3. *Мазалова Н. Е.* Народная медицина локальных групп Русского Севера / Н. Е. Мазалова // Русский Север к проблеме локальных культур. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, Российский фонд фундаментальных исследований, 1995. — С. 63—103.

4. *Меркулова В. А.* Народные названия болезней (на материале русского языка), II / В. А. Меркулова // Этимология 1970. — Москва : Наука, 1972. — С. 143—207.

5. *Нечаева Л. С.* Лексика семантического поля «болезнь» с корнями *-лих-*, *-худ-* в пермских говорах / Л. С. Нечаева // Лингвокультурное пространство Пермского края : материалы и исследования / ред. Е. Н. Полякова. — Пермь : ПГУ, 2010. — Вып. 2. — С. 134—142.

6. *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. — Москва : Азбуковник, 2000. — 416 с.

7. *Толстая С. М.* Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. — 2002. — № 1 (3). — С. 112—128.

8. *Толстикова М. В.* Номинация болезней в пермских говорах как отражение восприятия явления народным сознанием / М. В. Толстикова // Лингвокультурное пространство Пермского края : материалы и исследования / ред. Е. Н. Полякова. — Пермь : ПГУ, 2010. — Вып. 2. — С. 112—134.

9. *Топоров В. Н.* Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола *стоять*, преимущественно в специализированных текстах / В. Н. Топоров // Концепт движения в языке и культуре. — Москва : Индрик, 1996. — С. 3—88.

10. *Усачева В. В.* Народная медицина / В. В. Усачева. — В кн.: Усачева В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян / В. В. Усачева. — Москва : Институт славяноведения, 2008. — С. 247—312.

Lexical Objectivation of Disease and Health Notions in Lower Pechora Dialects

© *Ilyina Yuliya Nikolayevna (2015)*, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian and General Philology, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin (Syktyvkar), juli_il@rambler.ru.

The characteristic of one lexical group of traditional medicine in Lower Pechora dialects is given. Words with the meanings 'to be sick', 'sick person' and 'to become healthy' noted in the Pechora dialects are proposed to be divided into two groups. One of them are antonymous one-root and different-root tokens, finding themselves in both semantic fields. Another group includes single, not correlated with each other by motivational model tokens from each field. The attempt is made to compare the motivational models identified for the tokens from semantic areas "Disease" and

"Health", with models typical to dialect and folklore nominations of death and life. It was revealed that the main components of the texts of health and illness (often typologically corresponding to the texts of life and death) in the Pechora dialects are the following motifs: the presence / absence of a power or impatient condition; compliance / non-compliance of a man to his functional nature; ending with / continuing movement along a predetermined path, the road descent / return to the road, loss / finding of yourself. Particular attention is given to the tokens *skuchat* 'to be sick, suffer from pain' and 'to experience the absence of disease', *pogozhy* 'healthy, strong'.

Key words: traditional medicine lexis; disease vs. health; life vs. death; motivational model; semantics; Russian dialects; spatial culture code.

References

- Berezovich, E. L. 2004. K etnolingvisticheskoy interpretatsii semanticheskikh poley. *Voprosy yazykoznaniya*, 6: 3—25. (In Russ.).
- Gantsovskaya, N. S. 1992. Narodnaya meditsinskaya leksika v akayushchikh kostromskikh govorakh. In: Kirillova, T. V. (ed.) *Voprosy izucheniya srednerusskikh govorov*. Tver. 58—63. (In Russ.).
- Mazalova, N. E. 1995. Narodnaya meditsina lokal'nykh grupp Russkogo Severa. *Russkiy Sever: k probleme lokal'nykh kul'tur*. Sankt-Peterburg: MAE RAN, Rossiyskiy fond fundamental'nykh issledovaniy. 63—103. (In Russ.).
- Merkulova, V. A. 1972. Narodnye nazvaniya bolezney (na materiale russkogo yazyka), II. *Etimologiya 1970*. Moskva: Nauka. 143—207. (In Russ.).
- Nechaeva, L. S. 2010. Leksika semanticheskogo polya «bolezni» s kornyami -likh-, -khud- v permskikh govorakh. In: Polyakova, E. N. (ed.) *Lingvokul'turnoe prostranstvo Permskogo kraya: materialy i issledovaniya*. Perm: PGU. 2: 134—142. (In Russ.).
- Rakhilina, E. V. 2000. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetnost'*. Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. 2002. Motivatsionnye semanticheskie modeli i kartina mira. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1 (3): 112—128. (In Russ.).
- Tolstikova, M. V. Nominatsiya bolezney v permskikh govorakh kak otrazhenie vospriyatiya yavleniya narodnym soznaniem. In: Polyakova, E. N. (ed.) *Lingvokul'turnoe prostranstvo Permskogo kraya: materialy i issledovaniya*. Perm: PGU. 2: 112—134. (In Russ.).

- Toporov, V. N. 1996. Ob odnom iz paradoksov dvizheniya: neskol'ko zamechaniy o sverkh-empiricheskom smysle glagola *stoyat'*, preimushchestvenno v spetsializirovannykh tekstakh. *Kontsept dvizheniya v yazyke i kul'ture*. Moskva: Indrik. 3—88. (In Russ.).
- Usacheva, V. V. 2008. Narodnaya meditsina. In: Usacheva, V. V. *Magiya slova i deystviya v narodnoy kul'ture slavyan*. Moskva: Institut slavyanovedeniya. 247—312. (In Russ.).